

СТРАТЕГИИ КОДИРОВАНИЯ ЭКСКОРПОРИРОВАННОГО УЧАСТНИКА СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Н. Емельченкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 11, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
emelchenkova@gmail.com*

Объектом рассмотрения в данной статье являются способы представления участников описываемой предикатным словом ситуации, не входящих в ее семантическое толкование, однако формально представленных в структуре китайского предложения. Подобные употребления получили название «экскорпорация». Рассматривая наиболее частотные случаи материального выражения изначально инкорпорированного в семантику предикатного слова участника ситуации, автор сосредотачивается на анализе способов кодирования внешнего посессора, при этом отмечается, что в ряде примеров в китайском языке не обнаруживается подлинного посессивного отношения между актантами предикатного слова, и речь должна идти о более сложных семантических наращениях.

Ключевые слова: китайский язык; кодирование участников; расщепление валентности; экскорпорация; предикатная лексика.

ENCODING THE EXCORPORATED PARTICIPANT OF THE SITUATION IN MODERN CHINESE

E.N. Emelchenkova

*Saint-Petersburg State University,
Universitetskaya emb., 11, 199034, Saint-Petersburg, Russia
emelchenkova@gmail.com*

The article is discussing the ways of representing the participants of the situation described by the predicate, which are not included in its semantic interpretation, but are formally a part of the Chinese sentence structure. Such appearing of the units are called “excorporation”. Considering the most frequent cases of the formal expression of the initially incorporated participant of the situation, the author focuses on the analysis of encoding the external possessor, noting that in a number of examples in the Chinese language there is no true possessive relationship between the actants of the predicate, and those should be explained as having more complex semantic extensions.

Keywords: Chinese; valence splitting; encoding situation participants; excorporation; predicate lexeme.

Понятие валентности глагола, введенное в лингвистику Л. Теньером, получило в науке дальнейшее развитие, и сегодня, описывая валентностную структуру предикатного слова, мы выделяем семантические и синтаксические валентности.

Семантические валентности представляют собой набор обязательных участников, выполняющих определенные роли, без которых оказывается невозможно описать ситуацию, называемую соответствующим предикатным словом. Содержание семантической валентности слова принято указывать через роли этих участников ситуации – Агенс, Пациенс, Адресат, Инструмент, Средство, Бенефактив и т. п. Эти роли в абсолютном большинстве случаев входят в лексическое значение единицы и представлены как переменные в ее толковании. Так, у глаголов *дарить* в русском языке и 送 *sòng* в китайском языке набор участников ситуации будет совпадать: *кто-то передает нечто кому-либо в дар, то есть бесплатно и в полную собственность*. При заполнении имеющихся у предикатного слова валентностей значения тех слов, которые обозначают обязательных участников описываемой ситуации, называются семантическими актантами этого предикатного слова.

Причем в разных предложениях семантические актанта могут выражаться по-разному, связано это с таким свойством, как идиоматичность их морфосинтаксического выражения. Участник ситуации с одной и той же семантической ролью может быть представлен по-разному. Так, семантическая валентность Конечной точки с глаголами прибытия может быть реализована как *прийти в лес/ на завод/ к другу*. Или Адресат при глаголе *объявить* выражается дативом (*объявить студентам*), а у глагола *уведомить* – аккузативом (*уведомить студентов*). Схожая ситуация имеет место и в китайском языке, например, в близких по значению структурах 告诉你一个好消息 *gàosù nǐ yīgè hǎo xiāoxī* и 跟你说一个好消息 *gēn nǐ shuō yīgè hǎo xiāoxī* ‘скажу тебе новость’ Адресат кодируется по-разному. Очевидно, что способ представления семантического актанта зависит не только от содержания соответствующей семантической валентности, но и от конкретных лексем, которым принадлежит актант.

Имеющиеся у предикатного слова семантические валентности, называющие обязательных участников ситуации, на синтаксическом уровне реализуются как подчиненные предикату словоформы, являющиеся его синтаксическими актантами. Так на уровне предикации формально выражаются те семантические отношения, которые существуют между ситуацией (называемой предикатным словом) и теми участниками, которые в нее вовлечены (и названы соответствующими предметными словами). В идеале каждой семантической валентности, заполненной

соответствующим семантическим актантом, должен формально соответствовать синтаксический актант:

(1) *Папа подарил сыну велосипед.*

(2) 爸爸送了我一辆自行车。 *Bàba sòngle wǒ yī liàng zìxíngchē* ‘Папа подарил мне велосипед’.

(3) 爸爸给妹妹送了一本书。 *Bàba gěi mèimei sòngle yī běn shū* ‘Папа подарил сестре книгу’.

(1)–(3) иллюстрируют случаи полной корреляции между семантическими и синтаксическими актантами, когда каждому семантическому актанту лексемы *подарить* в русском языке и *送 sòng* в китайском соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому актанту – один семантический. Однако по факту соотношение синтаксических и семантических актантов у предикатных слов в языке не является однозначным и постоянным. Семантическая валентность может оказаться эксплицитно невыраженной на синтаксическом уровне по целому ряду причин, чаще прагматического характера. Прежде всего, семантическая валентность может формально не заполняться при очевидности участника или его выводимости из предшествующего контекста. Кроме того, участник не получает формального выражения, когда эта информация оказывается, с точки зрения говорящего, нерелевантна для называемой ситуации в целом.

Интерес представляют случаи, когда синтаксических актантов оказывается больше, чем семантических. Речь идет, прежде всего, об экскорпорации так называемого «инкорпорированного актанта». Понятие инкорпорированного участника («*incorporated argument*»), введенное в [1], применяется для описания семантики глаголов в языках, типологически не относящихся к инкорпорировающим, тогда, когда семантическая валентность оказывается зафиксированной в самом толковании предикатного слова, поэтому на синтаксическом уровне этот участник прототипически не выражается. Русский глагол *пилить* называет ситуацию, в которой инструмент раз и навсегда закреплен в семантике предикатного слова именно как *пила*, и не может заполняться другими предметными именами из той же семантической зоны, типа *топор*, *рубанок* и т.п. В подобного рода контекстах имеет место сообщение дополнительной, то есть новой и избыточной информации о ситуации. Чаще всего подобная экскорпорация инкорпорированного участника обязательна при описании дисфункции инструмента, когда он не выполняет ожидаемую от него функцию вообще или в достаточном объеме: *пилить тупой пилой*.

Очевидно, что по объему значения выражаемое таким образом понятие должно быть меньше той единицы, которая изначально обусловила базовую семантику предикатного слова. Достигается это за счет присоединения к выраженному на синтаксическом уровне участнику

ограничивающих атрибутов, кванторных слов, замены соответствующей единицы на гипоним или слово с близким, но более узким значением.

Е. В. Падучева в [2] предложила трактовать инкорпорирование более широко. И в том же ключе, что и пара *пила – пилить*, или *глаз – глазеть*, *рука – вручить*, *локоть – облокотиться* она рассматривает иные соматические компоненты, на первый взгляд избыточные, но тем не менее эксплицитно представленные, или экскорпорированные, на синтаксическом уровне при предикатных словах. В частности, *глаза* для *видеть/смотреть*, *голос* для *говорить/сказать* и т.д. в контекстах: *видеть своими глазами*; *смотреть во все глаза*, *говорить не своим голосом*, *сказать тихим голосом*.

При таком подходе можно аналогичным образом объяснить синтаксическую реализацию участников «часть тела» – 掌 *zhǎng* ‘ладонь’ и 眼 *yǎn* ‘глаз’ в контекстах типа (4) и (5):

(4) 我打了他一掌。 *Wǒ dǎle tā yī zhǎng* ‘Я треснул его разок ладонью.

(5) 他们声称亲眼看到过野人。 *Tāmen shēngchēng qīnyǎn kàndàoguo yě rén* ‘Они утверждают, что собственными глазами видели дикарей.’

Анализ китайского материала показывает, что употребление инкорпорированного участника является не случайным, а системным явлением. В примере (4) 一掌 *yī zhǎng* ‘одна ладонь’ при предикатном слове 打 *dǎ* ‘треснуть’ не просто уточняет способ совершения действия, а выполняет квантифицирующую функцию. В (5) употребление 亲眼 *qīnyǎn* ‘собственными глазами’ при глаголе 看到 *kàndào* ‘видеть’ реализует интенсифицирующую функцию, т.е. через экскорпориацию участника 眼 *yǎn* ‘глаз’, имеющего при себе атрибутивную характеристику 亲 *qīn* ‘родной’, с точки зрения кореферентности, по-видимому, избыточную (в норме человек не смотрит на мир чужими глазами), подчеркивается эвиденциальность (личное наблюдение) называемой ситуацией.

Следующий контекст, когда синтаксических актантах оказывается больше, чем семантических, имеет место в случаях, когда говорящий намерен уточнить какие-либо детали описываемой ситуации. Хрестоматийный пример подобных уточнений в русском языке являют различные реализации участников на синтаксическом уровне варианты кодирования: *трепать ухо коту*, *трепать ухо кота* и *трепать кота за ухо*.

Подобная вариативность наблюдается при выражении прототипических посессивных значений, то есть отчуждаемой и/или неотчуждаемой принадлежности и родственных отношений. Основным средством кодирования посессивных отношений в китайском языке является препозиция Посессора, часто также маркируемого атрибутивным показателем 的 *de*. В

случае с соматизмами, представляющими собой неотчуждаемые принадлежности, наличие 的 *de*, однако, обязательным не является:

(6) 他手烫伤了, 疼得火辣辣的。 *Tā shǒu tàngshāngle, téng dé huǒlàlà de* ‘Его рука обожжена и очень болит’.

(7) 王刚的父亲死了。 *Wáng Gāng de fùqīn sǐle* ‘Отец Ван Гана умер’.

Подобного рода стратегию в российской лингвистике вслед за [3] называют конструкцией с внутренним посессором и иллюстрируют примерами типа (8) в противопоставлении конструкциям с внешним посессором в (9):

(8) (Его отец) заболел.

(9) (Отец) (у него) заболел.

В (8) и (9) набор участников и ситуация совпадают, в первом случае посессор вводится как генитив (что является прототипической стратегией кодирования в русском языке), тогда как в конструкции с внешним посессором он выведен за рамки генитивной группы и представлен как малефактивный участник.

Яркий пример экстрапозиции внешнего посессора в китайском языке представлен в предложениях с глаголами утраты или лишения (10):

(10) 王刚死了父亲。 *Wáng Gāng sǐle fùqīn* ‘У Ван Гана умер отец’.

При таком варианте кодирования посессор не является синтаксически зависимым обладаемого, а ставится в экстрапозицию, не предусмотренную валентной структурой предикатного слова. Именно в этом состоит отличие конструкций с внешним посессором от иных конструкций, валентная рамка которых изначально предполагает возможность заполнения одной из валентностей соматизмом, как, например, в (11):

(11) 他做实验烫伤了手。 *Tā zuò shíyàn tàngshāngle shǒu* ‘Во время эксперимента он обжег себе руку’.

Экстрапозиция обладаемого имеет место всякий раз, когда как результат расщепления валентности при переходе от семантики к синтаксису возникает «лишний участник», представленный как соматизм:

(12) 女主人红了脸。 *Nǚzhǔrén hóngle liǎn* ‘Хозяйка покраснела (лицом)’.

Очевидно, что в конструкциях с внешним посессором, имеет место семантическое наращивание. В китайском языке подъем посессора в отдельную синтаксическую позицию, как представляется, не просто особый прием дискурса, а выполняет дополнительную функцию, в частности выражения значения Малефактива или Бенефактива, уточнение которой требует статистического анализа корпусного материала.

Как можно предположить, сама возможность и тип экстрапозиции (посессор/ обладаемое) обуславливаются спецификой предикатного слова, и стоит задача определения классов предикатных слов, допускающих

расщепление валентности и появление дополнительной синтаксической валентности. Так, например, Лу Цзяньмин в [4] выделяет в отдельный подкласс глаголы с семантикой травматичности, в которых посессор занимает постпозицию к предикатному слову и препозицию к участнику с ролью Результат:

(13) 烫了我三个大燎泡。 *Tàngle wǒ sān gè dà liáo pào* ‘Обжег меня в трех местах до волдырей (букв. нажег мне три больших волдыря)’.

Возникает закономерный вопрос, участника с какой ролью замещает это местоимение 我 *wǒ* в (13) – Посессора, Адресата или Малефактива?

Сравнение контекстов реализации показывает, что при типичном трехактантном глаголе донативной семантики 送 *sòng* ‘дарить’ на формальном уровне синтаксические актаны кодируются точно так же, как и участники ситуации, называемой двухактантным глаголом завладения 偷 *tōu* ‘украсть’. Сравним:

(2) 爸爸送了我一辆自行车。 *Bàba sòngle wǒ yī liàng zìxíngchē* ‘Папа подарил мне велосипед.’

(14) 他偷了爸爸一张邮票。 *Tā tōule bàba yī zhāng yóupiào* ‘Он украл у папы марку’.

В случае отсутствия /опущения атрибутивного показателя 的 *de* анализ подобных конструкций и описание валентностной структуры соответствующих китайских предикатов наталкивается на целый ряд трудностей. Очевидно, что в ряде примеров не обнаруживается подлинного посессивного отношения между актантами предикатного слова в том ключе, который был описан выше и может рассматриваться как прототипический. Здесь речь должна идти о квазипосессивности, для объяснения которой потребуется провести более глубокий анализ возникающих при этом семантических наращений.

Библиографические ссылки

1. Jackendoff R. Semantic structures. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Кибрик А.Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. М.: ЯРК, 2000. С. 429–441.
4. Лу Цзяньмин. Еще раз о свойствах таких структур, как «Я съел у него три яблока» // Китайский язык 2002. № 4. С. 317–325. [陆俭明. 2002. 再谈“吃了他三个苹果”一类结构的性质 // 中国语文. № 4. 317–325 页].